

Таёжные каникулы

Едем в поле!

На лето родители решили взять Петю с собой. Петины папа и мама были геологами и каждую весну выезжали на полевые работы, попросту – в поле.

Петя знал, что там, куда уезжают геологи, на самом деле не поле, а горы и тайга, но так уж у них принято говорить: «Едем в поле!»

Петя обрадовался. Он был наслышан о всевозможных приключениях, какие случаются с геологами, и ему давно не терпелось изведать всё самому.

Одна бабушка восстала против и яростно повела атаку на родителей. Петя испугался, как бы они не дрогнули и не отступились от своей затеи.

– Неумной затеи! – заверяла бабушка.

Но поколебать родителей она не смогла.

Тогда бабушка приняла последнюю отчаянную попытку привлечь на свою сторону внука. Рассказывала истории, одну страшней другой. Если верить бабушке, так в тайге и шагу нельзя ступить, не подвергаясь смертельному риску: можно и заблудиться, и утонуть в речке, и стать жертвой разъярённого медведя или коварной рыси... Напасти, какими бабушка запугивала, только распаляли Петино воображение. Она не учитывала, что её внук был мальчишка и, подобно всем мальчишкам, больше всего на свете жаждал приключений.

Должно быть, на маму жуткие бабушкины рассказы всё же повлияли: она заверила, что не позволит Пете ни шагу ступить от палаток без надзора, на переходе ему выделят самую смирную лошадь, кататься в резиновой лодке он не будет и вообще мама не спустит с него глаз.

Петя чуть было не пошёл на попятный. В самом деле, зачем же ему ехать в тайгу, если там за ним надзирать будут вдесятеро строже, чем в городе? У него уже чуть было не сорвались столь желанные для бабушки слова: «Не хочу в поле. Останусь с бабушкой».

Хорошо, что в этот момент он взглянул на папу. По затаённой улыбке, по тому, как тот подмигнул сыну, Петя вовремя смекнул, что на самом деле опека над ним не будет столь уж жёсткой, как это расписывает мама.

Расставание с бабушкой в аэропорту было тягостным и мучительным. Папе буквально пришлось вырвать Петю из её цепких рук.

Лететь предстояло далеко с пересадкой, сначала на большом самолёте, потом на маленьком.

Таёжный посёлок

Самолёт приземлился в широченной пойме¹. Вдалеке струилась речка, опоясанная камешником. Когда заглух мотор, слышно стало, как она клокочет. В прогалах тальника на солнце взблёскивали пенистые буруны², издали ничуть не опасные. В другой стороне на взгорке стояли деревянные избы, обнесённые жердяной изгородью. Одни дома окнами глядели на речку, другие обратили сюда глухие бревенчатые стены. Дома стояли вразброс, не теснясь и не образуя правильной улицы, каждый сам по себе. Да и было их всего не более полутора десятка, и то считая вместе с амбарами и сараями.

Петя хотя и слышал, что деревня небольшая, но всё равно не представлял себе, насколько же она крохотная, и затерянная посреди таёжного простора. Над крышами деревенских домишек возносились лесистые сопки, там и сям увенчанные каменными утёсами. Горизонт был изломан, нижний край неба поверх зелени слегка золотился. В разрывы хвойной гущи пробивались голубые пятна – проглядывало дальнее небо, заслонённое сопками.

Самолёт, взвихрив мелкий гравий, развернулся, пробежал по каменистому полю и взмыл. Горстка людей осталась посреди пустынной поймы. Когда АН-2 превратился в крохотную точку и гул мотора не стал слышен, Петя поразился внезапно наступившей тишине. Здесь она простиралась на сотни километров во все стороны. В ней неназойливо, напевно

раздавался хлопок речного переката, белые вспененные волны посверкивали сквозь прибрежный тальник.

Вот когда Петя окончательно поверил, что это не сон – он в геологической экспедиции! Отныне эта тишина, непредставимая, немислимая в городе, всегда будет с ним, как и вот те сопки и бездонная голубизна неба, сквозившая в просветах хвойной тайги. Всё вокруг всамделишное, настоящее! И разве чуть только, самым краешком сердца ему ненадолго взгрустнулось по бабушке.

Из деревеньки навстречу геологам ехали двое всадников, ведя в поводу ещё нескольких осёдланных лошадей. Позади них по кособогу спускалась лошадь, запряжённая в телегу, скрежетали ободья колёс на каменистом спуске. Лошади были настоящие, живые, и видел их Петя не на экране телевизора, а воочию. Они уже перебрадили мелкую протоку, разбрасывая копытами золотистые брызги. Дробно стучали копыта по жёсткому грунту. Верховые парни лихо погикивали на коней.

Опережая всадников из той же деревни, навстречу прибывшим геологам мчалась неистово гавкающая разномастная свора. Собак было не меньше двадцати; крупные, размером с волка, чёрные, рыжие, пятнистые, все до единой остроухие, с хвостами, завитыми колечком кверху. По рассказам родителей Петя знал, что это местные северные лайки – других собак тут не держат, к людям они относятся дружелюбно. Однако, когда гавкающая стая приблизилась и окружила геологов, Петино сердечко ёкнуло: а ну как они набросятся. Но взрослые не выказывали тревоги. И верно, собаки вскоре утихомирились, перестали гавкать, ничем не проявляли враждебности, а только смотрели на людей да поводили носами, улавливая запахи. А вскоре папа узнал одну из лаек.

– Это же наш Банан!

Белогрудый рыжий пёс, услышав своё имя, одним прыжком очутился возле него, взвился на задние лапы, закинул передние на плечи папе. Сколько же искреннего сильного чувства способен выразить один лишь собачий взвизг! Да и папа не уступал Банану в проявлении радости. Оба ошалели от счастья. Другие геологи тоже признали собаку.

– Банан! Банан!

Изнемогая от восторга, пёс кидался на плечи то к одному, то к другому. Маму едва не сшиб с ног. Она смеялась и тоже была счастлива. Банан кинулся и к Пете, но, в последний миг учуяв незнакомого, смущённо убрал лапы, уже занесённые на Петины плечи. Однако всем своим видом пёс показывал, что он вовсе не прочь подружиться с новеньким. Петя погладил его, ощутив под ладошкой тугую, гладкую шерсть. У Банана лишь кое-где на боках да на задних ляжках остались линялые клочья невыпавшей зимней шерсти. Эти старые колтуны нимало не портили его великолепной собачьей стати. Радущием и весёлостью светились карие глаза.

На конной тропе

В таёжном посёлке надолго не задержались, только переночевали. Дальше предстояло идти по тропе. Основной экспедиционный груз завезли раньше, по зимнику³, когда грузовые машины могли пройти по замёрзшим рекам и болотам.

Немудрёные пожитки геологов, необходимые им в пути: палатки, спальные мешки, сменную одежду и обувь, топографические планшеты и прочую документацию, нужную для работы, сложили во выючные ящики и брезентовые сумы. Взрослые, исключая пожилого конюха Потапыча, шли пеши. Пете выделили многомудрого и смиренного мерина Воронка. Седло было старое, скрипучее, кожа на нём до лоска затёртая. Сзади к седлу приторочили спальник, набитый ещё чем-то сверх ватного мешка, который, собственно, и служил постелью для Пети.

Выючный караван растянулся по тропе, которая взбиралась на перевал. Лес поредел, сопки стали пустынными и каменистыми. Блеклое северное небо проникло к ним. Вдалеке туманным миражом возникли скалистые гребни.

Вначале Петя не замечал, где они едут, некогда было озираться по сторонам. Одной рукой он вцепился в переднюю луку седла, другой держался за верёвку, которой был привязан спальник. Благо управлять Воронком не было необходимости: приученный ходить в караване под вьюком вслед за другими конями, он нигде не сбивался с тропы.

А вскоре Петя освоился. Выяснилось, что не такое уж это и сложное дело – езда верхом.

Поднялись на перевал. Тропа извивалась посреди глыбовых россыпей, небольших замшелых озёр и ленивых ручьёв. Вода в них была тёмно-зелёной от обилия длинных волнистых водорослей, которыми сплошь обросли донные валуны.

Вдалеке сверкали заснеженные пики. Воздушное пространство, отделившее их, казалось зыбким. Поблизости тропу пересекал невысокий хребтик. Поверх глыб и на вершинах каменных столбов там и сям лепились неказистые лиственницы с узловатыми скрюченными ветвями, кривостволие, приземистые.

Мама сказала, что голые холмики и одиночные утёсы сложены гранитом. Сотни миллионов лет назад это была расплавленная магма.

Граниты надолго завлекли Петю. Всё-таки это была магма⁴, хотя и окаменевшая. Впрочем, выглядела порода⁵ ничуть не примечательно. Мама подала ему небольшой обломок, чтобы он мог хорошенько рассмотреть. Камень состоял из множества зёрен полупрозрачного дымчатого минерала – кварца и почти такого же количества розоватых кристаллов полевого шпата. Ещё в породе содержались поблёскивающие чёрные пластинки слюды. Без маминой подсказки Петя и не обратил бы внимания на столь невзрачный камень.

Зато гряда, протянувшаяся вдоль оголённого увала, была живописной. В одном месте она походила на развалины старинной крепостной стены, в другом – на башню средневекового замка, а иной раз каменистые выступы напоминали Пете спину допотопного чудовища динозавра, виденного им на картинке в книжке.

Вьючный караван сопровождали две собаки: уже знакомый Пете всеобщий любимец Банан и кудлатый чёрный пёс по кличке Шарик, признающий хозяином одного Потапыча, а ко всем остальным, включая Петю, не проявлявший расположенности, а только вежливость. И был ещё крохотный щенок. Он тоже ехал на лошади, завернутый в старую телогрейку и привязанный поверх вьюка. Имени у него пока не было – называли просто щенком.

Собаки вели себя по-разному. Шарик лишь в начале пути несколько раз свернул с тропы, вынюхивая чьи-то следы, затем пристроился позади Серка, на котором ехал Потапыч, и уже ни на что не отвлекался. Банан рыскал неумоимо. Рыжая спина мелькала в кустах то с одной стороны, то с другой. Иногда он убегал далеко от тропы, призывный пёсий лай слышался чуть ли не за километр.

– Бурундуков гоняет, – объяснила Петина мама.

Сейчас, когда тропа привела их на безлесую сопку, Петя с высоты седла хорошо видел зигзаги и кренделя, какие проделывал Банан. Огненношерстый ком петлял посреди каменьев и кустарника, опережая караван. Вот он обнаружил что-то интересное посреди глыбового развала, тявкал, старался протиснуть голову вглубь между камнями. Караван приблизился к месту, где промышлял Банан. Позади Банана, не далее чем в полтора метра, притаился крохотный зверёк. Пёс понапрасну тужился разворотить многопудовые глыбы. Зверёк стоял недвижимо, как изваянный. Гладкая коричневая шёрстка на нём отливала смолевой чернью, грудь украшала белая манишка. С минуту он наблюдал за бесполезными усилиями Банана, потом тихонько свистнул. Пёс тотчас вскинул голову и лёгким прыжком сиганул на свою жертву. Но зверёк был проворней. Банан с удвоенной энергией принялся ворошить глыбы на новом месте, куда только что юркнул озорник. А белогрудый красавец уже выскочил на соседний камень.

Затем всё повторилось.

– Горностаи! – назвала мама смышлёного зверька, на которого загляделся Петя. – Он сейчас в своём летнем наряде, лишь к зиме вся шкурка на нём станет белой, подобно свежеснежному снегу. Знаменитые царские горностаевые шубы шили из зимнего меха.

Петя невольно ахнул.

– Это сколько же нужно было погубить зверьков!..

Переправа

Начался спуск в долину, тропа углубилась в лес. Лошади, почуяв близкий привал, шагали резвее. Перемена вокруг была разительной. Только что тропа шла через каменистую пустыню, и вот всё вокруг заслонила таёжная чаща. Наверху воздух был чист и прозрачен, здесь – душен, напоен испарениями, гудел от гнуса. Вездесущая мошкара набивалась под сетку накомарника, под рукава и нещадно жгла тело. Прежде Петя не видывал таких насекомых, знал только комаров и паутов. Мошка оказалась куда как хуже.

Слишком её было много – вокруг каждой лошади роились целые тучи. Кони обмахивались хвостами, били себя копытами в живот. Мошкара свирепствовала, доводя их до иступления.

Вдруг явилась просторная поляна, лишь кое-где поросшая мелким кустарником да пересечённая топкими старицами⁶. Тропа извивалась между болотами. Неподалёку шумела и пенилась речка.

Перебродили в месте, где река разветвилась на две протоки. Меж ними был зажат узкий длинный остров, большей частью состоящий из галечника, лишь посредине заросший тальником. Брод был длинным, мелким и безопасным, вода едва достигала лошадиных колен.

Щенок, до сего времени безмятежно спавший поверх вьюка, пробудился. Журчащая и плещущая под лошадиными копытами речка привлекла его, он вдруг выпростался из телогрейки и не раздумывая сиганул в воду. Никто из взрослых не видел этого.

– Помогите! – вскричал Петя.

Петина мама, перебрёдавшая речку неподалёку, испуганно обернулась.

– Щенок тонет! – пояснил Петя, указывая рукой на волны.

Малыша окатило водой и понесло на шиверу⁷. Щенок, однако, не растерялся, в следующее мгновение крохотная мордочка была уже на плаву. Волны захлёстывали его, с быстрым течением щенку было не справиться. А ниже, куда его неумолимо несло, речка суживалась, устремляясь в каменистый створ, там щенка может насмерть захлестнуть о скалы.

Петин папа к этому времени уже перешёл речку. Услышав позади крик и увидев щенка в воде, он бросился наперерез волнам. Вода достигала папе почти до пояса, он едва устоял на ногах. Мокрый, трясущийся комочек всем телом прильнул к груди своего спасителя.

Щенка окрестили Горхоном – по названию речки, в которой он чуть не утонул.

Петины владения

Из всех звуков, произносимых людьми, щенок выделил отрывистое, звонкое слово Горхон и вскоре понял, что это его имя. Услышит: «Горхон!» – и тотчас стремглав летит на зов. Чаще всего его звал мальчик, самое близкое и понятное существо. У него даже голос был сродни щенячьему – прозрачный, тонкий, не то что голоса взрослых, напоминающие басовитый лай Шарика.

Петя и Горхон сдружились, стали неразлучными. Первое время Петин папа только следил, чтобы утром щенок не увязался за кем-либо из маршрутчиков, подобно страстному и бывалому поисковику Банану. Тот на весь день уходил с геологами. Горхона приходилось привязывать: тайга и горы, куда отправлялись геологи, неудержимо влекли его щенячье сердце, он порывался перегрызть ременный поводок. Но вскоре Горхон смирился, терпеливо ждал, когда поднимется Петя. Знал, что с мальчиком ему не будет скучно.

Пете разрешалось играть на таком удалении от лагеря, чтобы всегда было видно палатки и таган, где неотлучно находились Потапыч и Шарик. На первых порах этого хватало: Петины владения были обширными. В одном месте к правому тенистому берегу прилепилась мощная наледь. Её не смогло растопить даже знойное июньское солнце. Это было чудом:

раскалённая галька, на которую наступи босой ногой – обожжёшь пятку, и рядом – ледяной айсберг! Он повисал в воздухе, лишь одним краем примороженный к всегда затенённой скале. Посреди дня от него с грохотом отламывались чудовищные глыбы. Пете было непонятно, откуда взялся лёд? Ведь лёд – это замёрзшая вода, а от наледи, которая прилепилась к скале, до речки не меньше сорока шагов. Загадку объяснила мама:

– Зимой неглубокая речка промерзает до дна. Но из верховий продолжают поступать подземные воды. Встречая на своём пути преграду, вода прорывается наверх и растекается по всей долине. Постепенно наледь нарастает, делается всё толще и толще. А когда приходит лето, лёд тает, сохраняясь кое-где в затенённых местах.

Было и ещё много интересного. Небольшой, заросший тальником остров отделял речку от пересохшего каменистого русла. Вода здесь текла лишь по весне, когда на горах таял снег, да летом после сильных ливней. А в остальную пору, как теперь, протоку можно перейти посуху. И только белёсый известковый налёт поверх валунов указывал, что совсем ещё недавно над ними перекатывались речные волны. Сухую протоку перегораживало нагромождение из мёртвых деревьев, натащенных сюда в паводок. Стволы были голыми, отполированными, о них нельзя занозиться.

А какие глыбы и валуны раскиданы вдоль берега. Какое разнообразие гальки: белые и розовые катыши, почти круглые, зелёные и золотистые плитки толщиной в мизинец, массивные чёрные булыжины с блёстками белых кристаллов... Особенно сказочно разноцветье гальки в реке: под водой все краски делались свежее и ярче.

Речку со всех сторон обступали горы. На них Петя глядел с завистью. Особенно соблазнял ближний утёс, похожий на зубец. Каменное острие вонзалось в синеву неба. Под ним было нагромождение глыб, а ещё ниже стланиковая чаща. Петя был уверен, что одолеет вершину. Но едва он заикнулся об этом, как мама решительно пресекла его:

– Не вздумай!

После этого скалистая вершина напротив палаточного лагеря стала для Пети вдвойне притягательной. Мысль нарушить запрет робко созревала в сознании. Но случилось так, что этого не потребовалось.

Почти две недели геологи работали без выходных, старались ходить в маршруты, пока позволяла погода.

– Зарядят дожди – в маршруты не пойдёшь, – говорил Петин папа. – Будем камеральничать: составлять карту, упаковывать образцы и пробы. Вот тогда и займёмся с тобой, – обещал он Пете. – Научу тебя ориентироваться, разводить костёр при любой погоде...

Заманчивые планы. Но, как на грех, стояли ясные солнечные дни, и погода как будто установилась навечно.

В один из жарких июльских дней, так и не дождавшись ненастья, геологи устроили выходной – банный день. Наверное, больше всех радовался Петя: после бани папа обещал пойти с ним на гору.

Соорудить походную баню оказалось несложно. Место выбрали чуть ниже лагеря на небольшой терраске. В песчаном грунте выкопали продолговатую яму, один край её сверху застелили жердями. Над этим местом натянули палатку так, что одна половина её пришлась на твёрдую землю, а другая накрыла яму, застеленную жердями. Противоположный край ямы остался за пределами палатки. Неподалёку, близ речки, на галечнике разожгли костёр. На нём кипятили воду и накаливали речные валуны. Раскалённые камни лопатой относили к банной палатке и закатывали в яму под жерди. Люди, которые в это время мылись в палатке (а помещались там только двое), сквозь жерди плескали на камни воду. Раздавался глухой взрыв – волна горячего пара ударяла кверху с такой силой, что натянутый брезент вздрагивал, будто палатка собиралась взлететь. Раскалённые булыжники шипели и трескались, остывшие камни лопатой выкатывали из ямы наружу, вместо них приносили новые – из костра.

Наконец, Петин папа помылся, немного отдышался, попил чаю. С минуту глядел на Петю, загадочно улыбаясь. Петя, затаив дыхание, ждал. Он догадывался, что скажет папа.

– Пора тебе осваивать азы маршрутной науки. Поднимемся вон на тот пупырёк, – указал пала на скалистый зубец.

Снежный голец

На гору взбирались вчетвером, Горхон ни на шаг не отставал от Пети, а Банан привычно увязался за папой. Банану вообще не сиделось на таборе, если кто-то отправлялся в горы. Его сердце разорвалось бы от зависти, если бы не пустили в маршрут.

К подножию осыпи продирались сквозь стланик. Здесь он был не сильно густым. Банан и Горхон рыскали в кустарнике, распугивая каменущек⁸. Стланик – удивительное растение, раньше Петя только слышал о нём от родителей. Вблизи Иркутска он не растёт. Хвоя у него в точности, как у настоящего сибирского кедра, но ветки стелются по земле, спасаясь от зимних морозов под снегом. Шишки похожи на кедровые, только уступают размерами, и орешки в них мельче. Зато вкуснее. Лучше всего про это знают бурундуки и белки – для них это основной корм. Лакомится стланиковыми орехами и хозяин тайги медведь. Кедровый стланик неприхотлив и растёт даже там, где никакие другие деревья не выживают.

Издали, от речки, осыпь выглядела почти вертикальной, вблизи оказалась не столь крутой, хотя взбираться по глыбам наверх было не просто. Нижние валуны сплошь покрывал мох, выше на их поверхности рос бурый лишайник, а на самом верху камни были совсем голые и остроугольные.

Папа никогда не расставался со своим геологическим молотком: разбивал им камни, чтобы определить породу, а где требовалось, молоток служил ему вместо трости. Петю он учил отличать кристаллы полевого шпата от кварцевых зёрен.

– Эти два минерала самые распространённые. Граниты почти целиком состоят из них. А вот это слюда – биотит, – показал он Пете.

Горхон тут как тут, возле них, между Петиних рук просовывает свой нос, обнюхивает образец. Ничего интересного. Горхон фыркает и пускается кружить по осыпи, вынюхивая между камнями. Оказывается, живность есть и тут: мелкие кругляшки мышиного помета встречались там и сям. А чуть где между глыбами образовался пятёчек грубой песчаной почвы, на нём сразу лепятся былинки пырея и другой травы. Петя обнаружил даже белую метёлку тысячелистника.

Горхон заметно подрос, шерсть на нём огладилась, будто прилизанная, но был он ещё нескладен, длинноног и большоголов. Уши начали подниматься, но самые кончики их пока ещё висели. Хвост тоже не был закреплён, как у Банана, а вился позади подвижной и пока ещё не пушистой змейкой. Однако будущая превосходная статья сибирской лайки в нём уже наметилась. Ещё два-три месяца – и он ни в чём не уступит Банану. Даже и расцветка шерсти у него обещала быть такой же, рыже-белой. Превосходный пёс вырастет. А главное – Петин друг! Верный, преданный, любящий!

У Пети тоже был молоток с длинным черенком, почти такой же, как у геологов, только вдвое легче, и он тоже разбивал им камни. Петя, правда, не мог отколоть крупных образцов, какие отбивал папа, – лишь небольшие осколки. Но и по ним можно было установить породу: цвет минералов, их форма на расколе видны куда лучше, чем на поверхности глыб.

Петя увлёкся и не заметил, на какую высоту они поднялись. А тут вдруг обернулся, глянул и чуть не вскрикнул от внезапного восторга: по другую сторону речки, над лесом, в котором стояли палатки, высились заснеженные каменно-голые исполины. Они возникли точно по волшебству. Петя и не подозревал о них. Речка текла глубоко внизу – голубоватой и белёсой от пены лентой посреди широкой галечниковой полосы. Палатки выглядели крохотными, а фигурки людей, собравшихся возле тагана, – игрушечными. И такая необъятная ширь распахнулась взгляду, что захватывало дух. Петя стоял потрясённый, не в силах оторвать глаз от увиденного. Он будто попал в другой мир.

С каждым шагом кверху пространство видимого мира расширялось, а палатки и фигуры людей на другом берегу становились мельче и мельче.

Самое поразительное открытие ждало Петю, когда взобрались на утёс. Взойти на него оказалось даже легче, чем это представлялось, когда смотришь снизу. Глубокая промоина в скале – из неё зарождалась каменная осыпь – издали выглядевшая отвесной, на самом деле была не столь крутой. По ней они вскарабкались наверх без особого труда. Зубец, куда поднялись, был вовсе не самый высокий – за ним в вышину громоздились исполинские гребни.

Сразу за пиком находилась небольшая седловинка, от неё отлого потянулся щербатый хребтик, кое-где с одного края накрытый ноздреватым, прошлогодним снегом. В конце этого хребтика вздымался снежный голец.

– Папа, идём туда – хочу! – вскричал Петя.

Папа улыбнулся.

– Если пойдём на голец, так засветло на табор не вернёмся – маму до смерти перепугаем.

Петя не поверил. Папа, конечно, шутил: вот же она, вершина, – рядом.

Знакомство

Что-то происходило в лагере. Лаял Шарик. Обычно невозмутимый старый пёс растревожился не на шутку. Его голос доносился слабо и казался не столь хриплым, как всегда.

Геологи высыпали из палаток, выстроились у обрыва террасы⁹. Что они там увидели? Вскоре загадка объяснилась. С низовой речки к палаткам приближался караван завьюченных оленей. В том месте, где он находился сейчас, тропа спускалась на галечниковую отмель. И посреди открытого места, на голом камешнике, идущих по тропе было хорошо видно.

– Пора и нам на табор, – сказал папа. – Тарасовцы идут.

Петя раньше слышал, что должны пройти мимо них тарасовцы.

Отряды геологов принято называть по фамилии начальников. Их путь лежит дальше на север, где совсем нет корма для лошадей, зато олений мох растёт всюду в верховьях падей и на горных перевалах. Тарасовцев давно ждали: они должны привезти новости и письма. Спуск вниз отнял больше времени, чем предполагал Петя: приходилось быть вдвое внимательней и осторожней.

К лагерю они пришли одновременно с тарасовцами. Геологи обеих партий возбуждённо, радостно приветствовали друг друга.

Петю заинтересовали олени. Их было не меньше сорока. Собранные в три связки, каждой из которых управлял каюр¹⁰, олени сгруппировались на отмели. Эвенки ловко и спорно снимали с них вьюки и рассёдлывали. Освобождённые от груза, олени отряхивались и передёргивали шкуру, отпотевшую под седлом. Пахло натруженным рабочим потом. Тучи мошкары вились вокруг них, но свежий и влажный ветер, постоянно дующий вдоль речки, уносил запах пота прогонял мошек. Пожилой каюр, отойдя к залому посреди сухой протоки, топором разрубал нетолстые жердины на короткие чурки. Остальные эвенки подводили туда рассёдланных оленей и к верёвке, подвешенной на шею оленя, подвязывали заготовленные чурки. Олени, держа их перед собой на весу, ступали передними ногами немного нараскоряку, взбегали на откос и скрывались посреди леса. Оттуда доносилось позвякивание ботала¹¹. Петя с изумлением наблюдал за действиями каюров. Спросить, зачем это нужно, было не у кого.

Но более всего Петю поразило, что взрослым помогали двое мальчишек, один примерно Петин одноклассник, а другой и вовсе карапуз лет шести. Они ничуть не боялись оленей, и животные покорно подчинялись им. Оленьи рога были сейчас короткими, не ветвистыми и не острыми – их покрывала пушистая меховая оболочка.

Старший из мальчиков в тугих линиях джинсах сновал среди послушных животных с проворством циркового фокусника. Несколько раз он мимолётно взглянул на Петю. Раскосые тёмные глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Голову покрывал широкополый накомарник с чёрной сеткой, откинутой на плечи.

Каково же было Петино изумление, когда он вдруг понял, что старший из двоих вовсе не мальчик, а девочка.

– Наташа, – пропищал карапуз.

Малыш что-то сказал ей, и она рассмеялась.

«Вот тебе на!» – про себя воскликнул Петя.

Он возомнил себя чуть ли не героем, а в отряде у тарасовцев этакий шпингалет и девчонка не только сопровождают геологов, а ещё и помогают распрягать оленей.

Две чужих лайки наскоро познакомились с местными собаками – обнюхались с Шариком, Бананом и Горхоном и больше уже не уделяли им внимания, улеглись посреди сброшенных на галечник седел и выюков.

Позади у них был нелёгкий переход.

Отпустив оленей на выпас, каюры развели у берега костёр, соорудили таган, и скоро в большом закопчённом чайнике вместимостью вполовтора начала klokотать и через носок поплёскивать на огонь закипевшая вода.

Петя стоял как замороженный. Горхон, сделав несколько безуспешных попыток втянуть в игру пришедших собак, устроился возле Петиных ног и так же не отводил глаз от походного очага каюров.

– Мальчик, подойди, не бойся, – пригласила Петю Наташа.

По её внимательному и дружелюбному взгляду уже давно было ясно, что она не прочь завязать знакомство.

– Я не боюсь, – оскорбился Петя и приблизился к тагану.

Каюр, присевший на корточках по другую сторону костра, вскинул голову, обнажил радужную улыбку на широкоскулом лице. Узенькими щёлками глаз внимательно оценил Петю и Горхона, который не отставал от хозяина. Одна из лаек лениво поднялась, вторично обнюхала щенка. Он старательно вилял хвостом, изо всех сил изображая желание подружиться и вступить в игру. Взрослая собака небрежно отвернулась от него и зевнула. Горхон обиделся и тявкнул на неё. Лайка не обратила на него ни малейшего внимания, снова легла на камни.

– Ты на вертолёте прилетел? – спросила девочка.

– Мы на лошадях пришли. Я верхом ехал, – объяснил Петя.

– Ой как! – искренне восхитилась Наташа. – Я никогда не ездила на лошади. Боязно?

– Только вначале. – Неподдельный интерес Наташи возвратил ему уверенность: всё-таки верховая езда на коне что-то значила. – Мне дали самого смиренного, – все же признался он. Было бы нечестно вводить её в заблуждение.

– Хочешь на олене попробовать? – предложила Наташа.

По радостной вспышке, какой озарилось Петино лицо, Наташа раньше, чем он успел произнести что-нибудь, догадалась: ещё как хочет! Да и кто бы на его месте отказался.

Не произнеся больше ни слова, Наташа подняла кинутый посреди выюков длинный посох из высушенной тонкой берёзки и без колебаний, отважно отправилась в лесную чащу, откуда доносился перезвон ботала. Пока её не было, Петя с любопытством разглядывал малыша, по-видимому, Наташиного братишку. Тот, скрестив ноги, калачиком, в неподвижной позе застыл поблизости от костра. Старший эвенк снял чайник, немного отлил из него на камни и засыпал заварку.

Вскоре появилась Наташа верхом на олене. В руке у неё была длинная палка. Она что-то покрикивала и широко улыбалась Пете. Подъехала к нему и ловко, будто с велосипеда, соскочила наземь.

Ни удил, ни самой уздечки не было – простая верёвка крест-накрест, повязанная на оленьей морде и шее. Седло без стремян, притягивалось одной подпругой. Наташа подсказала, что для начала садиться на оленя лучше с какого-нибудь возвышения, с валежины или с валуна. Петя спросил у неё, зачем оленям на шею подвешивают чурку.

– Это не чурка, – рассмеялась Наташа. – Чингай называется. Привязываются, чтобы олени не убежали далеко.

И ещё она сказала, что на оленя садиться нужно справа, а не слева, как на коня. Олень покорно следовал за Петей. Он выбрал удобный валун и с него закинул левую ногу через седло. Небольшое седло вихляло на спине животного вдоль и поперёк. Мальчик не успел утвердиться, толком ещё даже не сел, как олень зашагал, и Петя перекувыркнулся из седла.

Карапуз, сидевший возле костра, рассмеялся. Наташа подала Пете берёзовый посох.

– Станешь падать – обопрись. С первого разу ни у кого не получается, – утешила она.

И верно, с помощью палки Петя удержался в седле.

– Ноги вперёд подними, – подсказала Наташа.

Олень мигом взлетел на терраску – Петя с трудом удержался на нём. Олень хорошо знал дорогу, через минуту они очутились на широкой намятой тропе. Негромко поёкивало в оленьей утробе, он часто и быстро дышал. Как развернуть его в обратную сторону, Петя не знал. Он только успел подумать, что теперь ему остаётся единственное – соскочить наземь, как тут же свалился. Олень, пробежав пять шагов, остановился. Назад Петя возвратился, ведя его в поводу. Наташа со счастливой улыбкой на лице бежала к нему навстречу.

– Упал?

– Нет, я спрыгнул, – почти сущую правду сказал Петя: ведь он же собирался спрыгнуть, только не успел.

– Молодец! – искренне похвалила она. – С первого разу ни у кого не получается, а ты вон сколько проехал.

С девочками Петя ещё не дружил. Они представлялись ему загадочными и странными существами, мало приспособленными к настоящей дружбе. С ними и разговаривать не о чём. А с Наташей он не прочь был подружиться. Но тарасовцы задержались ненадолго: немного отдохнули, попили чаю и начали выючить оленей. Петя и Наташа толком не успели даже поговорить.

– Мы ещё осенью увидимся, – на прощанье сказала Наташа.

Где и как они смогут увидеться, Петя не успел у неё спросить.

Маршрут

Пете снилась неразбериха: он и Наташа верхами на оленях взбирались на горы, держаться в седле было трудно, а падать нельзя – внизу пропасть. Горхон и маленький брат Наташи по узкому хребтику гнались вслед за ними, щенок гавкал, мальчик предостерегал: «Туда нельзя! Туда нельзя!»

Проснулся он раньше обычного: геологи ещё не ушли в маршруты – только собрались. На этот раз сборы затянулись: предстоял пеший переход на участок, куда не было конной тропы. Работы там на три-четыре дня, но всё необходимое геологам приходилось нести на себе в рюкзаках.

Экспедиция, в которой работали Петины родители, составляла геологическую карту. Петя не однажды видел, как мама на своём рабочем планшете старательно заштриховывала красным цветом участки, где на её маршруте встретились граниты, а синим, – где залегали известняки.

– Занятия интересней, чем у геологов нет, – уверяла она Петю. – В каждом маршруте бывает что-нибудь интересное. И приключений на нашу долю за сезон выпадает с избытком. А случается свободная минута, занимаемся вот таким рисованием.

Из этого полусушительного разговора, а также из других разъяснений Петя составил себе представление о работе геологов, может быть, и не совсем полное, но для него достаточное: работа у геологов действительно разнообразная, интересная, скучать им некогда.

На прощание мама расцеловала Петю и предупредила:

– Не вздумай без нас на горы взбираться!

Пожалуй, этого ей лучше было не говорить. Ни о чём другом Петя теперь и думать не мог. Впечатление от виденного накануне будоражило его. Да ещё подстёгивала воображение

недавняя встреча с Наташей и её братом. Если уж такой клоп способен к самостоятельности...

Единственный, кого он посвятил в свои планы, был Горхон. Щенок слушал, наклоня голову набок и слегка двигал ещё нетвёрдо поставленными ушами. Преданность и беззаветную готовность следовать за Петей всюду выражала щенячья морда.

В поход Петя готовился тщательно. Он ещё не был вполне уверен, что послушается маму, так что его сборы были отчасти игрой. Коробок спичек обернул целлофаном, как его научил папа, и положил в боковой карман рюкзака на самое дно; припас два увесистых бутерброда себе и Горхону. К ужину они возвратятся на табор, но обедать предстоит наверху. В поллитровый термос налил чаю со сгущёнкой. Взял компас, чтобы ориентироваться в случае, если тучи заслонят солнце. День обещал быть ясным, но предусмотреть следовало всё. По компасу же он будет узнавать время. Этой нехитрой премудрости его обучил папа. Правда, время с помощью компаса можно определить только в солнечный день.

Подъём на утёс, куда они взбирались с папой, отнял больше часа. Горхон был вне себя от счастья. Петя то и дело оглядывался и каждый раз видел Потапыча, который, ладошкой заслоняя глаза от солнца, с беспокойством, наблюдал за скалолазами и кричал о чём-то предостерегая.

«Так я же буду всё время на виду, снизу хорошо видно гору, где мы были», – оправдывал себя Петя.

То была правда. Петя только ни словом не заикнулся, что он не намерен останавливаться на уже пройденном. Но в то же время он не обманывал Потапыча: пока ещё и сам не знал точно, как он поступит дальше.

Каменное царство выглядело бескрайним. Замки и храмы возносили неприступные стены и купола в бездонную синеву. Горхон метался взад и вперёд по каменистым россыпям, вынюхивая следы каменушек. Величавая красота окружающих гор не привлекала его, точно он видел их постоянно и привык. Ослепительно сияющий снежный голец завораживал Петю, казалось: вот он – рядом.

Петя оглянулся: Потапыч стоял возле тагана в прежней позе. Игрушечная фигурка старика невольной укоризною уколола Петину совесть. «Но ведь тут совсем негде заблудиться. И со мной... Горхон».

Утешив себя этими соображениями, Петя скомандовал:

– Горхон, пошли!

Голос прозвучал странно, будто канул в пустоту. Горхон отозвался залиvistым лаем. Его лай тоже не разносился по сторонам, а глохнул неподалёку. С этим свойством горного воздуха Петя ещё не был знаком.

На седловине рос мелкий кустарник, вплотную никший к каменистой высыпке. Редкие тощие былинки пробивались посреди щебёнки.

Лямки небольшого рюкзака, специально купленного для Пети, ловко облегали плечи, поклажа не тяготила. За спиной у него находился рюкзак, специально купленный ему, а в руках был облегчённый геологический молоток... Зачем же родители приобретали ему полевое снаряжение, если он весь сезон проведёт, не отходя от палаток?

За седловиной начался подъём. Каменистый гребень тянулся ввысь и упирался в голец. С одной стороны к гребню лепился снежный сугроб, покрытый затверделой шершавой коркой наста¹². Петя держался возле бровки нерастаявшего снега, здесь было легче идти. Хребтик становился круче, полупустой рюкзак начинал тяготить. А снежный пик между тем ничуть не приблизился. Нужно было определить время. Если к четырём часам пополудни Петя не достигнет вершины, он повернёт назад. Может быть, папа и в самом деле был прав, когда говорил, что за день им было не обернуться.

Солнце стояло впереди Пети левее гольца, тень падала наискось через хребтик. Петя извлёк компас. Папа ему говорил, что в час дня тень должна лечь строго на север. За каждый, час она отклоняется на пятнадцать градусов. Доверять подобным вычислениям можно только в середине дня, а утром и вечером необходимо делать большую поправку.

Петя тщательно замерил азимут¹³ своей тени. Получалось триста тридцать градусов. Всего лишь одиннадцать часов.

То ли у него не хватало силёнок, то ли молоток был чересчур лёгким – Пете редко удавалось раскалывать камни, и он отбивал небольшие осколки от края плит. Пока ему встречался только гранит. Эту породу Петя научился узнавать.

Возвращаясь из маршрутов, геологи в своих рюкзаках чаще всего приносили образцы гранита. Это какая же прорва расплавленной магмы должна была затвердеть, чтобы образовалось так много гранита!

Петя давно не оглядывался назад и не знал, сколько же он прошёл.

Оглянулся – и обомлел! Он неожиданности у него подкосились ноги: каменного выступа, с которого он начал маршрут, нигде не было видно. Всё неузнаваемо изменилось. Не стало противоположного борта долины с двумя распадками, которые они рассматривали вчера – папа объяснял Пете, почему ручьи, текущие по ним, такие пенистые и водопадистые. В необозримую бескрайность несколькими ярусами громоздились незнакомые скалистые и заснеженные хребты, точно гигантские корабли, плывущие в голубом просторе. Первая растерянность прошла, Петя начал соображать, что же случилось, куда его занесло столь неожиданно? Но догадка уже созрела: никуда его не занесло, злая волшебная сила ни в чём не повинна. Просто за прошедшие два часа Петя поднялся на высоту, вдвое большую, чем зубец, где они были с папой, и теперь на другой стороне речки ему открылись хребты, которые раньше заслонял ближний склон. А зубец? Куда девался зубец? Зубец – вон он! Все он не такой, каким выглядел вблизи, крохотный прыщик посреди каменного безмолвия.

Страх минул, Пете хотелось смеяться и прыгать от радости. И ещё он подумал, что пришло время подкрепиться.

Горхон разгадал намерение своего хозяина, сел рядом, уставясь на Петю умильными глазами и подвижным кончиком хвоста выражая полное одобрение действиям. Мальчик честно разделил бутерброды на равные порции. Горхон начал было слизывать масло, намазанное на хлеб. Но операция грозила затянуться надолго, и щенок в два приёма заглотил свой ломоть.

Петя к этому времени не управился и с половиной бутерброда. Горхон так выразительно поглядывал на Петину долю, так сладко облизывался, что Пете пришлось поделиться с ним остатками.

Чай в термосе ещё не остыл и был почти горячим. Себе Петя налил в пластмассовый стаканчик. Горхону посуды не нашлось. Поблизости отыскалась плоская глыба с небольшим углублением в центре. Петя плеснул туда немного из термоса. Горхон понюхал и с отвращением потряс головой. То ли ему не по вкусу пришёлся сладкий чай, то ли не понравился камень, облепленный бурыми лишайниками.

Было уже три часа. Тень от солнца падала теперь не на северо-запад, как недавно, а на северо-восток. Засветло на голец не подняться. Но Петя хорошо подкрепился и почувствовал прилив сил. Обидно поворачивать назад, когда идти стало так легко. В рюкзаке остался полупустой термос да спичечный коробок.

В стороне от хребтика на выположенной части склона одиноко зеленели несколько чахлах лиственниц и рос мелкий кашкарник. Влево, вниз от этого зелёного островка, покато стекала каменная осыпь, кое-где размежёванная зарослями кедрового стланика. А ещё глубже виднелась долина, по которой бежал ручей, редкие деревца росли по его берегам. Низовий ручья сверху не видно.

Небольшое понижение хребтика, по которому шли Петя и Горхон, было перекрыто плитчатым щебнем – совсем другая порода, не граниты, которые Пете уже наскучили. Глыбы выглядели иначе, имели форму плоских плит. Что это за порода, Петя не знал, но подумал: сланец. Слово он слышал от геологов. Осколок, серебристо посверкивающий слюдяными чешуйками, он положил в рюкзак. После спросит у мамы или у папы. Лучше у папы. Мама непременно заинтересуется, откуда у него появился образец и выпытает правду.

Снова по компасу определил время. Шёл уже пятый час. Петя повернул назад. Вниз шагало легко.

Заблудился

Петя прошёл уже много, когда вдруг понял, что заблудился. Это было столь неожиданно, что вначале он не поверил. Как можно было заблудиться? Ведь он никуда не сворачивал с хребтика: по нему поднялся, по нему спускается. Просто он не узнает своего каменного зубца. Издали его невозможно узнать. И Петя подналёг. Горхон с радостным лаем бежал вслед за ним и понарошку хватал Петю за пятки. У Пети не было настроения играть. Вскоре у него не осталось сомнений: он сбился, идёт не туда. Хребтик впереди него начал выполаживаться, на нём появилась растительность, вначале кашкарник и стланик, а ещё дальше росли деревья. Ничего похожего не должно быть.

Петя остановился. Он сразу обессилел, ноги подкашивались. Что теперь делать? Он был в полном отчаянии. Горхон с недоумением смотрел на него, судя по его виду, щенок вовсе не сознавал опасности.

Возможно, Петя и заплакал бы, будь он один.

– Что нам делать, Горхон? – спросил он, и, как давеча, Петин голос потух, не отлетев даже на десять шагов.

Горхон тявкнул:

– Гав, гав!

Лай также отнесло всего лишь на несколько метров.

Внезапно Петя вспомнил: в полдень, когда он шёл вверх, солнце светило ему в глаза, стояло почти над вершиной. Сейчас оно ушло много правее, начало уже клониться к закату, а Петина тень ложилась вдоль хребта точно так, как было в полдень, только стала вдвое длиннее.

Он скинул рюкзак, торопливо извлёк компас. Вертел его так и эдак, но магнитная стрелка становилась поперёк хребтика. Выходит, он шёл теперь почти под прямым углом, чем ему было нужно.

Но ведь он нигде не сворачивал. Почему же он сбился? Это было загадкой.

Что теперь делать? Идти назад?

Петя глянул наверх, откуда спустился: перед ним в окружении дивной синевы возвышался, сверкал заснеженными рёбрами всё тот же голец.

Возвращаться к его подножию у Пети не хватит сил.

Влево начинался крутой скат, покрытый щербистой почвой. На ней росли одиночные чахлые кустики, редкая трава и мох.

Там и сям из земли сочились крохотные ручьи. Глубоко внизу они сливались в серебристую ленту, бурлящую посреди глыб.

Прямой путь к палаткам лежал через эту прорву на другую сторону пади.

«Да вон же мой зубец!» – едва не вскрикнул Петя. Скалистый пик находился теперь далеко позади и намного правее.

Петя сейчас лишь почувствовал, как он устал, как натружены его мышцы. Не только назад вверх, никуда ему не хотелось идти. Лучше всего забраться в спальный мешок и уснуть. Сил возвратиться наверх, а потом повернуть на свой хребтик, который приведёт его к знакомому зубцу, у Пети не было. Отчаяние овладело им. Вот когда пришло самое время заплакать, позвать маму. Он бы разревелся и начал бы кричать во все горло: «Мама! Мама!», – если бы отчётливо не сознавал, что никто его не услышит. Даже Потапыч. До лагеря по прямой не больше трёх километров. Наверное, и трёх не будет. По хорошей тропе не больше часу ходьбы, даже если идти вразвалочку, не спеша. Но тропы, тем более по прямой, никто здесь для Пети не проложил...

В ущелье

Вдруг его осенило. Да ведь если пойти вниз по ключу, тот непременно приведёт его в речку. По расстоянию вдвое, а то и втрое длинней, чем прямая, зато не подниматься, – всё время вниз.

В него точно вдохнули силы. И как будто не было усталости, как будто совсем ещё недавно не подкашивались ноги, их едва не сводило судорогой.

Длинная Петина тень падала наискось склона, изламывалась на вымоинах и каменных выступах. Первые двести-триста шагов отняли не больше минуты. Горхон угорело носился поперёк склона, распугивая мелких зверушек, которые с писком сигналы от него в свои убежища. Поднял куропатку. Видимо, одно крыло у неё было подбито, птица никак не могла взлететь, Горхон едва не схватил её. Петя уже намеревался вступить за несчастную куропатку, когда та неожиданно легко поднялась в воздух и, пролетев метров сто, скрылась из глаз в зарослях.

Вскоре дорогу преградил кедровый стланик.

Вначале по зарослям ещё можно было продвигаться, но чем ниже Петя спускался, тем более рослым и частым становился кустарник. Неожиданное препятствие разрушило Петины планы. Так он будет до темноты пурхаться. Пот лился ручьями. Дорога вниз, оказывалась ничуть не легче, чем вверх. Нужно было что-то придумывать.

Стланик стал выше Петиного роста, и по сторонам ничего не было видно. Он ступил на гибкий пружинистый ствол. Чтобы устоять на нём, потребовалось искусство циркача. Петя сделал несколько попыток, прежде чем сумел удержаться ненадолго. За эти мгновения он огляделся. Слева белела заснеженная лужайка.

Петя устремился туда. Горхон раньше него достиг снежника, Петя видел, как щенок радуется, хватая снег пастью, катается по нему. Первые шаги дались непросто: под снегом лежал стланик. Только Петя ступал на снег – наст проламывался и стланиковые ветки распрямлялись, преграждая дорогу. Совсем как в сказке.

Но дальше от края наст был прочнее и держал Петю. А после Пете попала каменистая россыпь. Идти по ней легко и податливо. В ботинках на резиновой подошве ноги не скользили, можно без опаски перепрыгивать с глыбы на глыбу.

Неподалёку посреди замшелых валунов катился ручей, его шум слышался отчётливо. И вообще все звуки снова обрели привычную для слуха ясность. Собачий лай разносился звонко, а не вязнул в пустоте, как наверху.

Вскоре ручей вырвался из валунника и катился по голому скальному ложу. Вокруг всюду были голые камни.

Ручей обрывался с двухметрового отвеса рокочущим водопадом. Склоны по обеим его сторонам придвинулись плотнее друг к другу, стали круче, образовав настоящее ущелье.

В которой уже раз Петя удивился происшедшей перемене. Вместо недавнего простора явилась теснина, в которой шумел kloчущий поток. Было тенисто и сыро. Солнце достигало лишь горных макушек по левому борту ручья. Небо из необъятного обратилось в узкую полосу высоко над Петинной головой. Там наверху воздух обнимал скалы, здесь скалы стиснули весь мир.

Петя не сразу услышал лай Горхона, хотя тот находился всего в трёх шагах: рокочущий шум стремительного ручья заглушал остальные звуки. Горхон таякал, задрал голову вверх. Справа на скалистых утёсах, ярко озарённых вечерним солнцем, прильнули две кабарги¹⁴. С любопытством заглядывали они в глубь ущелья на нежданных гостей. Непонятно, как они ухитрились держаться там почти на отвесной скале. Да ещё с такой лёгкостью и грациозностью перескакивали с уступа на уступ.

Утробный грохот, навстречу которому шли мальчик со щенком, отвлек Петинно внимание от красавиц косуль. Какое ещё испытание уготовано им впереди? Петя уже устал от приключений, ему хотелось скорее, без помех выбраться из ущелья.

Теснина раздвинулась, на мгновение вдалеке увиделся противоположный лесистый склон речки, в которую устремлялся поток. До неё осталось меньше километра.

Петя прошёл несколько шагов и замер. Перед ним был обрыв. Тугой серебристый жгут воды с грохотом обрушивался вниз с высоты двухэтажного дома. Мельчайшие брызги орошали отвесную скалу справа. Солнечный свет, пробивая водную пыль, нарисовал в воздухе крохотную радугу. Хотя и не до того было Пете, но он невольно залюбовался.

Однако нужно было что-то предпринимать. Горхон тоже позабыл про каборожек, подойдя к обрыву, принялся к запахам сырости и вопросительно глянул на Петю.

Отступать поздно. Сил подняться вверх по ручью у Пети не осталось. Левый борт был немного положе, несколькими ступенями спускался книзу. Скала сплошь затянута слоем мха: кое-где росли мелкие кустики, подножие закрывал частый ольховник. Спуститься возможно только здесь.

Конечно, лучше бы на этот случай иметь альпинистскую верёвку. Держаться приходилось за мелкие кустики, полагаться на них нельзя: если повиснуть всей тяжестью, так можно вырвать их с корнем. Начало прошло удачно. Петя достиг почти середины, ещё немного и он попадёт в заросли ольшаника, где ему будет за что ухватиться. Нога, на которую опирался Петя, сорвала мох. Он судорожно пытался нащупать другую опору, но подо мхом всюду был лёд, и ботинок скользил. Петю неудержимо влекло вниз. Петя выпустил геологический молоток, услышал, как он звякнул внизу о камни. Под тяжестью тела мох напрочь сдирался с оледенелой скалы. Этот мох смятый в кучу и оберёт Петю. Мальчик даже не ушибся – съехал вниз как на подушке.

В нескольких шагах от него гроыхал водопад. Тяжёлая струя падала в каменную выбоину, наполненную прозрачно-зелёной водой и будто вскипала – играла, пузырилась в глубине.

Петя отыскал оброненный молоток. И только тут спохватился: где же Горхон? Щенка увидел не сразу. Тот, свесивая голову вниз, передними лапами пытался нащупать опору. Ползал он как раз в том месте, где только что скатился Петя, и лапы скользили по заледепелому камню. Чем помочь щенку, Петя не знал. Пытался вскарабкаться наверх – безуспешно.

Даже сквозь рёв потока слышно было, как надывается Горхон, твкает и скулит.

Неподалёку Петя увидел валежину. Если её прислонить к скале – можно по ней взобраться и помочь Горхону. Увы, валежина оказалась гнилой, когда Петя пытался её поднять, переломилаcь. Найти другую... Ниже водопада долина чуть распахнулась, на берегах росли лиственницы, берёзки и ольха. В поисках подходящей валежины Петя пробежал вниз по ручью.

Шум водопада стал тише и на его фоне явственно различался надрывный вой Горхона: щенок решил, что Петя бросил его на произвол судьбы. Ничего не попадалось на глаза. Петя прошёл ещё дальше, и вдруг услышал мощный рёв, доносимый из низовий. Как ни был озабочен Петя своими поисками, невольный холодок окатил его. Он полагал, что водопад, оставшийся позади, был последним препятствием. По впереди их, по-видимому, ждало нечто ещё более грозное.

Наконец он обнаружил то, что искал. Нетолстое лиственничное деревце, засохшее на корню. На нём было множество сучков, по которым несложно вскарабкаться наверх, как по лесенке. Но сухостоину вначале нужно повалить. Пете казалось, что стоит её слегка толкнуть – и она упадёт. Не тут-то было. Деревце заупрямилось, не поддавалось. Петя методично раскачивал его. Понемногу начали рваться омертвелые корневые жилы, за которые цеплялась сухая лиственница. Последний толчок – и сухостоина рухнула, увлекая за собой Петю.

В тот же миг он почувствовал, как на него обрушилось что-то тяжёлое. Он не успел испугаться – узнал Горхона. Щенок совершенно обезумел от счастья: кидался на мальчика, норовя лизнуть его в лицо. Петя радовался ничуть не меньше. Им обоим казалось, что разлука длилась целую вечность. У Пети даже слёзы выступили на глазах.

– Глупенький, ты думаешь, я бы оставил тебя! – воскликнул Петя.

Горхон то же самое чувство выражал по-другому.

– Гав, гав! – гремело в ущелье.

Петя отлично понимал Горхона: «Куда ты, туда и я. Я ни за что не брошу тебя одного!»

Их дружба была окончательно скреплена этими взаимными клятвами.

Ночлег

Вскоре Петя убедился, что идти дальше невозможно. Белый от пены водяной поток устремлялся в узкую и глубокую прорву. Склоны ручья сплошь были в непролазных зарослях.

Быстро надвигался вечер. Солнце лишь где-то наверху касалось горных вершин – от них исходил рассеянный свет, но здесь, внизу, сгустились настоящие сумерки. Пока не совсем стемнело, нужно было позаботиться о костре. Хорошо, что папа научил, как разводить костёр. Основное правило Петя запомнил.

– Ни в коем случае не спеши. Это – главное. Из-за спешки многие геологи часто попадали в беду. Сперва приготовь дрова и растопку, потом только доставай спички.

Дров вокруг было достаточно: сухостойного валежника невпроворот. Сучья сухие, пригодные на растопку. Хорошо бы ещё раздобыть бересты. За ней дело не стало. Поблизости среди кустарника лежали упавшие берёзки, сердцевина у них сгнила, а береста сохранилась. Оставалось только растереть её на тонкие полоски.

Петя сделал всё, как его учил папа, поэтому костёр у него занялся с первой спички. Это ободрило, однако ненадолго. Надвигалась ночь. Он представил себе, как в лагере сейчас понапрасну ждут его. Развели огромный костёр, чтобы Петя смог увидеть его издалека. Кричат до хрипоты, подавая ему сигналы. Старый Потапыч небось совсем уже извёлся.

Голод давал о себе знать. Петя вспомнил про остатки сладкого чая. А когда извлекал из рюкзака термос, рука наткнулась на целлофановый пакет. Это обрадовало Петю. Он вспомнил, что находилось в пакете – неприкосновенный запас – НЗ. Это когда они ещё дома снаряжались в отъезд и только купили Пете рюкзак, папа приготовил и уложил в него всё необходимое. В целлофане была плитка шоколада и пачка настоящих галет¹⁵.

Горхон не хуже Пети смекнул, что в пакете съестное. Галет в пачке было всего пять. Одну Петя дал Горхону, одну себе, остальные оставил на утро.

Горхон долго трудился над галетой. Не так-то просто было её разжевать.

На второе Петя отломил по шоколадной дольке. Горхон проглотил свою мгновенно и просительно уставился на мальчика.

– Не жадничай! На сегодня хватит.

– Гав, гав! – выразил Горхон своё несогласие.

– Неизвестно ещё, за сколько времени мы завтра доберёмся в лагерь, – объяснил Петя.

Небольшой костерок на дне ущелья озарял крохотное пространство. Беспрерывно неумоимо на одной ноте надрывался поток, стиснутый отвесными скалами. На мягкой подстилке – Петя сделал её из стланиковых лап – в обнимку лежали мальчик и собака.

Сон был беспокойный, прерывистый. Петя часто поднимался и подкладывал в огонь валежины, озираясь. Казалось, со всех сторон за ним следили чьи-то настороженные глаза. Петя поскорей ложился к костру, в обнимку с Горхоном.

Ночь длилась бесконечно. Звёзды, горевшие в вышине, медленно проплывали над ущельем. Тупорогий месяц появился ненадолго и спрятался за скалу.

Месяц хотя и скрылся, рассеянный свет от него блекло озарял изломистую черту, которой ночное небо отделялось от скалистых утёсов, опоясывающих теснину. А с табора, где остался Потапыч, ущербную луну сейчас хорошо видно, горы там не подступают к палаткам, не заслоняют неба. И эту же луну можно увидеть в другом лагере, где ночуют Петины папа и мама. От этой простой мысли тоскливо и тревожно защемило сердце. Если бы рядом не было Горхона и Петя через курточку не ощущал его горячего тела, мальчик, наверное, развеялся бы от осознания своего одиночества. Петя ладонью коснулся ворсистого гладкого меха, под которым билось преданное сердце, Горхон спросонья потянулся и тёплым языком лизнул Петину, руку.

Дров, запасённых Петей с вечера, едва хватило. Рассвет начинался медленно, в посеревшем воздухе обозначились контуры ближних утёсов, затем появились отдельные деревца,

стоящие неподалёку. Теперь можно было поискать новые валежины. Пока угли ещё были красными и держали жар, от них загорится любая гнилушка. Петя насобирает толстых сучьев, видимо, притащенных водой и застрявших посреди валунов.

Костёр долго чадил и прел, прежде чем сырые занялось пламенем. Зато сразу стало тепло, и Петя вскоре согрелся.

Небо сделалось совсем серым, звёзды гасли одна за другой, остались всего несколько, да и те бледные, едва различимые.

А потом, как-то вдруг, в одно мгновение, – вспыхнуло и осветилось всё ущелье, узкий сноп солнечного света прорвался в расщелину с низовой ручья. Он почти стлался по земле, наверное, солнце сейчас только выглянуло из-за гор.

Нужно было позавтракать и решать, в какую сторону идти: через непролазный стланик в обход каньона или же назад в верховье ручья – отыскивать вчерашний хребтик.

Горхон, только что внимательно следивший за Петей, вдруг всполошился. Вздёрнутым кверху носом улавливал запахи, ведомые ему одному. Петя с беспокойством глядел в ту сторону, куда был направлен чуткий нос щенка.

Горхон весь подобрался, спружинился.

– Гав! Гав! – метнулся он навстречу запахам, которые взбудоражили его.

Там что-то ухнуло и треснуло, будто сверху обрушилась тяжёлая глыба. Рыжее пятно лёгким привидением мелькнуло в кустах. Горхон не раздумывая бросился навстречу. Два огнешерстных дома свились в клубок. Страх ещё не успел охватить Петю, когда он понял, что Горхон сцепился вовсе не с врагом, а празднует встречу со своим приятелем Бананом.

Позади собак появилась фигура человека.

– Папа! – отчаянно вскрикнул Петя, и счастливые, облегчительные слёзы полились из его глаз.

Ожидание

Назавтра утро Петя едва смог дойти до речки, чтобы умыться. При каждом шаге икры схватывало судорогой, но насилу переставлял ноги.

– Это пройдёт, – утешил его Потапыч. – В другой раз будешь слушать старших.

Какую уж связь усматривал Потапыч между Петиним непослушанием и болью в натруженных мышцах, неясно. От него Петя узнал, как случилось, что среди ночи папа очутился на таборе и чуть свет помчался разыскивать сына.

– Это счастье, что твоя мама ничего не знала! О ней ты не подумал, – укорил он Петю.

Будь Потапыч не таким старым, не страдал он ревматизмом, так он бы мигом настиг Петю ещё на осыпи и так бы отпотчевал его розгой по мягкому месту, что навсегда отбил бы охоту своевольничать. Но Потапыч мог только издали наблюдать, как мальчик карабкался на утёс.

Когда же Петя и Горхон скрылись из виду, он растревожился не на шутку. Вскоре на табор пришли рабочие-канавщики.

Петя и не представлял себе, какой переполох он наделал. Лазать по горам канавщики непривычны, они всегда копали канавы на участке, неподалёку от лагеря. О пропаже мальчика необходимо известить геологов, которым не в новинку разыскивать заблудившихся. Недолго посоветовавшись, трое пустились вдогонку за геологами. Навряд ли их поход увенчался успехом: найти геологов посреди гор было непросто.

К счастью, Петин папа надолго задержался близ речки. В скалистом обрыве он обнаружил интересную жилу с медистыми и свинцовыми минералами и несколько часов потратил, чтобы отобрать пробу, хорошенько осмотреть обнажение¹⁶ и всё записать в полевой дневник. Здесь канавщики и наткнулись на него.

И для Петиного папы задача оказалась не из лёгких. День-то уже клонился к закату, когда рабочие нашли его. Благо от лагеря было недалеко, немногим больше десяти километров, и идти было по хорошей тропе. Но ведь отсюда, от лагеря, только начинались поиски.

Солнце уже село за горы, когда он начал подъём. Конечно, папа шёл в несколько раз быстрее Пети. Но в наступившей темноте и ему было не так-то просто взбираться на гору. А главное, он не мог увидеть Петиних следов. Пришлось ждать рассвета наверху. Насобирав немного сухих стланиковых кореньев, развёл небольшой костёр, прокоротал недолгую июльскую ночь.

Едва забрезжил рассвет, продолжил поиски. Не будь у него опыта, не знай он, как и где новички начинают плутать, так он не вдруг нашёл бы сына. Прежде всего папа догадался, куда именно направился Петя – к заснеженному гольцу! Ему тоже было ясно, что мальчику Петиного возраста не хватит сил взобраться на вершину. Место, где Петя и Горхон полдничали, он отыскал по обрывку бумаги, в которую были завернуты бутерброды. На голом каменистом гребне её было видно издали. Здесь Петин папа надолго задержался, стараясь угадать дальнейший маршрут сына. После он рассказывал:

– Я предположил, что ты прошёл ещё немного вверх, а затем повернул обратно. Главное было понять, в каком месте ты сбился с верного направления. – Папа извлёк из полевой сумки топографический планшет. – Вот это – окрашенное коричневым – вершина гольца. А эта полоска, где горизонталы изламываются под острым углом, – водораздельный гребень. По нему ты шёл. Вот здесь гребень разветвился: влево – тот, по которому ты поднимался, вправо – другой, он разделяет два распадка – оба впадают в Горхон. Здесь ты и ошибся!

А в самом конце, когда Петя свернул в распадок и продирался сквозь стланик, найти следы мальчика помог Банан. По его поведению, по тому, как пёс оживлённо рыскал, вынюхивая следы, папа догадался, что он на верном пути.

На карте всё выглядело просто и понятно.

Дружба с Горхоном стала ещё прочней. Но в конце августа Петя вынужден был расстаться с ним. В табор прилетел вертолёт и приземлился на галечную отмель. Он привёз продовольствие геологам, забрал у них образцы и пробы. Пете пора было возвращаться домой, чтобы успеть в школу в 3 класс к началу занятий. На базе экспедиции его должен встретить студент-практикант, которому поручено сопровождать мальчика в город, где Петю уже ждалась бабушка.

Вертолёт, невысоко оторвавшись от прибрежного камешника, низом пронёсся над бурливой речкой, потом взмыл кверху. Над пойменным лесом открылись склоны, заросшие кедровым стлаником, и выше их скалистые гребни. На дне долины Петя с трудом отыскал палатки геологов. Речка там и сям вскипала белёсой пеной, указывая места перекатов. Картина была захватывающей, и она отвлекала Петю от тоскливого чувства, вызванного разлукой с родителями.

Он узнал свой хребтик и ручей, текущий в ущелье. Сверху видно было всё сразу, местность напоминала рисованную карту. Он видел тонюсенькие струи водопадов посреди скал. Сейчас они ничуть не выглядели опасными. Всё-таки нужно было побывать там самому, чтобы узнать, почувствовать грозное величие гор. Глядя сверху, никогда этого не узнаешь. Полёт был недолгим, намного короче, чем думалось Пете. Ведь на лошадях они добирались целый день. Горы стали ниже, голокаменные гольцы остались позади, скоро их едва можно было различить в голубоватом мареве. Всё меньше было скалистых утёсов, да и они почти потерялись посреди необъятного таёжного простора.

Вертолёт начал снижаться. Петя увидел просторную долину и небольшую речку, обрамлённую тальником; вдалеке от берега виднелись тесовые кровли. Он догадался: это и есть тот самый посёлок, где Петю ждал студент.

И сейчас тоже с пригорка навстречу прибывшему вертолёту мчалась стая быстроногих собак. Теперь Петя уже не робел при виде их. Дружба с Горхоном навсегда привила ему уважение и доверие к сибирским лайкам.

Следом за собаками из посёлка наперегонки бежали двое: в одном из них он узнал Наташу. Вот оказывается, про какую встречу она говорила в прошлый раз. У неё тоже с первого сентября начинались занятия в школе-интернате. Наташина школа и была здесь же в

посёлке – самый большой недавно построенный дом, бревенчатые стены которого янтарно желтели посреди побуревших давних построек.

На этот раз у них было время наговориться досыта: самолёт, на котором должен улететь Петя, ожидался только к вечеру. Наташа была на редкость общительной и разговорчивой. Она мечтала скорее окончить школу и выучиться на ветеринара.

– Буду лечить оленей. Они хорошие и очень добрые.

Петя неожиданно для себя сказал:

– А я стану геологом, как папа и мама.

– Вот замечательно! – обрадовалась Наташа. – Тогда мы будем видеться с тобой часто: геологи приезжают к нам каждое лето.

– На будущий год я непременно вернусь сюда – папа мне обещал. – Меня здесь будет ждать мой друг Горхон.

– Значит, весной увидимся снова!

С надеждой на будущую встречу они и расстались.

¹ Низменная полоса речной долины вблизи русла, затопляемая при разливе.

² Водяные горбы, возникающие над валунами при быстром течении реки.

³ Дороги через замёрзшие топи и болота, по которым проезд возможен только зимой.

⁴ Густая расплавленная масса в глубинах земли. При застывании окаменевают. Магма, излившаяся при извержении вулкана, называется лавой. Застывая, она тоже превращается в камень.

⁵ Этим словом геологи обозначают камни, схожие по составу: гранит, сланец, мрамор и т.д.

⁶ Порою реки изменяют своё течение: русло, покинутое рекой, часто зарастает, обращается в болото. Таким участки называют старицей.

⁷ В Сибири этим словом обозначают бурные речные перекаты.

⁸ Так в Сибири называют различных мелких зверьков, живущих в норах под камнями.

⁹ Относительно ровная площадка, возвышающаяся над речной поймой, нередко заросшая лесом.

¹⁰ Оленевод-эвенк.

¹¹ Наподобие колокольчика, который подвешивают на шею лошади или оленю, чтобы по звуку можно было легко отыскать их в лесу.

¹² Оледенелая твёрдая корка на поверхности снега, образующаяся по весне, когда дневная оттепель сменяется ночными заморозками.

¹³ Направление на какой-нибудь предмет на местности. Азимут проверяют с помощью компаса.

¹⁴ Небольшая горно-таёжная косуля

¹⁵ Несладкое печенье из пресного теста, может храниться длительное время, используется в походах и экспедициях.

¹⁶ Любой скальный выступ или каменные обломки, глыбы на поверхности земли. Всякое обнажение даёт геологам материал для изучения земных глубин и поиска полезных ископаемых.